

Е.Г. Федорова

ОБ ОДНОМ ИЗ СТОЙБИЩ ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ НАЧАЛА ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Эта публикация построена на материалах экспедиции, состоявшейся в июле-августе 1993 г. к хантам Нефтеюганского района Тюменской области. Ее целью было изучение хантов левых притоков Оби в рамках проекта «Коренное население Салымского края», заказанного районной администрацией предприятию «АВ КОМ» (Российский фонд культуры) из г. Екатеринбурга. В состав экспедиции входили также преподаватель Тобольского педагогического института Е.П. Мартынова, в течение многих лет занимающаяся изучением хантов, и две студентки этого же института — И. Черная и В. Петрученя. Результатом проведенных историками, археологами, этнографами исследований стала коллективная монография «Салымский край», подготовленная в первой половине 1990-х годов, но опубликованная лишь в 2000 г. [Салымский край 2000]. В ней представлены разные стороны истории и культуры коренного населения бассейна одного из левых притоков Оби — р. Салым.

Эта монография была написана в традиционной форме, ее этнографическая часть содержит материалы по этнической истории, социальной организации, хозяйству, материальной и духовной культуре двух различающихся по культуре и антропологическому типу групп хантов, объединяемых по лингвистическому признаку. По предложению сотрудников Института истории, языка и литературы Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар), начинавших работу по изучению салымских хантов, одна из этих групп была названа старосалымской (исконное население р. Салым), вторая — новосалымской (переселенцы из бассейна Югана). В монографии обобщен весь накопленный ко времени ее написания материал по салымским хантам. В таких случаях «за кадром» остаются детали, наблюдения, замечания и выводы, которые обычно содержатся в полевых дневниках и отчетах и при этом во всех аспектах характеризуют современную жизнь обитателей того или иного конкретного селения, в обобщающих же работах они «рассыпаются». Такой дневниково-отчетный сюжет о новосалымских хантах в краткой форме

хотелось бы предложить читателю¹. Речь пойдет о хантах со стойбища Пунси-2, на протяжении ряда лет привлекавшего внимание этнографов тем, что там во всех сферах культуры сохранялось много традиционного.

Стойбище (или юрты) Пунси-2 — небольшой участок земли посреди заболоченной тайги. По словам информантов, таежные поселения, разбросанные в верховьях р. Салым, были образованы выходцами с р. Большой Юган приблизительно в 1930-е годы. Причина переселений — поиски новых промысловых угодий, оленьих пастбищ. Судя по имеющимся сведениям, территории, на которые переселялись юганские ханты, были относительно свободными, поскольку данных о каких-то серьезных конфликтах в процессе переселения нет.

Юганские ханты — типичные представители охотников и рыболовов тайги, в хозяйстве которых заметную роль уже стало играть оленеводство. По своему культурному облику они относятся к восточной этнографической группе хантов.

Хозяйство новосалымских хантов в тот период, о котором идет речь, базировалось на традиционных отраслях. В первую очередь это охота и рыболовство. Велика была также роль собирательства. В начале 1990-х годов все трудоспособное население было закреплено за Угутским промыслово-охотничьим хозяйством, где числилось егерями. Продолжали сохраняться традиционные способы добычи рыбы и зверя, некоторые виды ловушек (например, слопцы на глухаря). Значительная часть производимой продукции шла на удовлетворение собственных нужд.

В сохранении же оленеводства не было необходимости. Традиционно оно имело здесь транспортный характер. Но в последние годы перестали использовать оленей в качестве транспортных животных. Кроме того, эта группа очень мало применяла оленьи шкуры для шитья одежды. Все же некоторые семьи новосалымских хантов в начале 1990-х годов продолжали держать небольшие (10–15 голов) стада оленей. По словам одного из информантов, это делали «из интереса». Но скорее дело здесь в другом. Олень у данной группы хантов был основным жертвенным животным. В постсоветский период верования и культовая практика коренного населения перестали подвергаться преследованиям со стороны властей, и оленеводство сохранялось как источник, обеспечивающий необходимую атрибутику обрядов. Существовала даже очередь на получение оленей, в которую включались ханты, уже утратившие свои стада.

¹ В подобном ключе О.В. Пантафлюк, побывавшей на Пунси-2 в 1998 г., была выполнена работа по жилым и хозяйственным сооружениям стойбища, снабженная планом поселения и планом рыбацкого стана [Пантафлюк 1999].

В летнее время олени находились на пастбище, расположенном сравнительно недалеко от стойбища и обнесенном так называемым огородом. «Огороды» сооружали для того, чтобы сохранить оленей, которые без этого могут потеряться в тайге. На пастбище было построено летнее жилище с нарами. Но из-за близости к стойбищу постоянно там находиться не было необходимости. Обычно кто-нибудь из мужчин вечером ходил на пастбище проверять оленей. Женщины занимались подкормкой оленей. Ягель летом, особенно в жаркую погоду, сухой, а трилистник, который является основным кормом оленей в это время, растет не на всех пастбищах, поэтому животных подкармливали собранным в сырых местах ягелем, который относили на пастбище в мешках, или черствым хлебом.

Один из молодых хантов, вернувшийся после службы в армии на Пунси-2, собирался организовать там сельскохозяйственную ферму, где предполагалось заниматься разведением кроликов, огородничеством. Идея, бесспорно, заимствованная, но условия для существования каких-то нетрадиционных видов животноводства или огородничества там вполне пригодны.

Основная из стоявших тогда проблем касалась промысловых угодий. В то время на территории Ханты-Мансийского автономного округа вопрос о возвращении родовых угодий или распределении и закреплении за отдельными лицами или общинами промысловых территорий не был проработан. Из-за того, что к концу 1980-х годов традиционная система природопользования была разрушена практически полностью, стали возникать конфликты по поводу распределения угодий. Помимо коренного населения на них претендовало и пришлое, закрепившееся на территории округа в течение последних 10–15 лет. Но главная проблема состояла в том, что промысловые угодья расположены на землях, богатых нефтью и газом, и такие участки из списка промысловых территорий изымались.

На основании высказываемого населением желания определялась одна из двух форм пользования угодьями — личное или общинное пользование. Сама форма принималась жителями конкретного населенного пункта или территории по договоренности между ними. Обитатели Пунси-2 остановились на личной форме владения угодьями.

Добраться на Пунси-2 в период, когда там работала наша экспедиция, можно было только на вертолете, причем площадки для его посадки нет. Поскольку кругом исключительно болотистая почва, вертолет может лишь зависнуть на небольшой высоте. Кроме того, есть еще путь через болото до начала дороги, где дважды в неделю бывала машина, доставлявшая на делянку вахту лесорубов (в понедельник) и забиравшая их (в пятницу). Длина этого пути в общей сложности около 12 км,

им пользовались, если шли без особого груза, например в тех случаях, когда нужно было заказать вертолет, чтобы вывезти приехавших в гости родственников с маленькими детьми.

Стойбище занимало узкий перешеек. Постройки — три жилых дома и множество разнообразных хозяйственных сооружений. В начале 1990-х годов на Пунси-2 проживало три семьи Каюковых. Самый старший обитатель стойбища — 1940-го года рождения. Как старший он признавался и всеми остальными. В его семье было еще четыре человека (жена и трое детей 17-ти, 23-х и 25-ти лет). Соседний дом занимала семья, глава которой был 1954 года рождения. С ним проживали его жена, две дочери дошкольного возраста и дочь жены от первого брака. В третьем доме жил один молодой хант, к которому на лето приезжал его племянник, все остальное время года проводивший в интернате в Угуте. Почти все взрослые имели неполное или законченное среднее образование. Лишь одна из женщин смогла проучиться в школе всего два года. Она вынуждена была прекратить учебу, поскольку ее родители-оленоводы имели большую семью, «ходили с оленями» (то есть кочевали), некому было заниматься маленькими детьми, и ее «взяли из школы» для того, чтобы она следила за своими младшими братьями.

Ближайшие к Пунси-2 юрты — Пунси-3. Расстояние между ними приблизительно 13–16 км. Попасть туда можно было только пешком через три болота. По пути — небольшая речка, для переправы через которую у берега всегда стояли лодки-долбленки. В Пунси-3 была площадка для вертолета, но его жители часто выбирали сухопутный способ передвижения, поскольку время прибытия вертолета было известно далеко не всегда, хотя периодически совершались облеты таежных стойбищ по заказу ассоциации «Спасение Югры». Всего же в начале 1990-х годов в этой части района в тайге проживало 12 семей хантов.

Жилые дома в Пунси-2 современной постройки, хотя распределение пространства в жилом помещении оставалось традиционным. Представление о правильной ориентации входа в жилище присутствовало у всех, хотя не во всех домах удалось его выдержать. По словам одного из информантов, он сделал вход «неправильно», чтобы быть «лицом к людям». Таким образом, все жилища входом оказались направлены к некоему центру, а не на юг, как принято у юганских хантов. Но за «неправильное» расположение входа, то есть за нарушение традиции, последовало наказание: через дом проходила «змеиная дорога».

За домами или вдоль тропинки между ними располагались хозяйственные сооружения. Каждая семья имела 2–3 свайных амбара и столь-

ко же наземных. Выделялась также специальная постройка для хранения рыбы («дом для рыбы»).

Перед входом в жилище, на некотором расстоянии от него, находились очаги для приготовления пищи летом и хлебные печи. Некоторые из них были несколько смещены в сторону от основной оси к боковой стене дома. Уличные очаги представляли собой кострище с приспособлением для подвешивания котлов и чайников, обнесенное невысокой глинобитной стеной, в которой имеется «вход». Через него подбрасывали дрова, вешали котлы и т.п. Наличие такой стены — не просто отголосок древних связей с какими-то южными культурами. Она имеет и чисто практическое значение: от костра, раздуваемого ветром, возникают пожары, поэтому очаги нуждаются в ограждении.

Все постройки были обнесены изгородью из вкопанных в землю на большом расстоянии друг от друга столбов с горизонтально расположенными между ними жердями. Наличие такой изгороди, по словам информантов, связано с особенностью местного оленеводства: олени перестали подходить на зиму к жилищу, разбредались по тайге. При отсутствии же изгороди ограничивало их передвижение.

Пунси-2 — место, где в начале 1990-х годов можно было увидеть многое из традиционной культуры восточных, в частности юганских, хантов. В первую очередь это относится к женской одежде. Традиционные для этой группы халаты, окантованные полосами ткани контрастного по отношению к основному цвета, подпоясанные длинными суконными поясами, носили все женщины, в том числе и городские жители, приехавшие в гости. Обязательно ношение платка.

Из мужской одежды продолжали бытовать зимняя дорожная, заимствованная, по словам информантов, у правобережных хантов, а также промысловая одежда. Продолжали носить и традиционную обувь. Это те детали мужского костюма, которым так и не нашлось замены.

Поскольку быт хантов Пунси-2 в начале 1990-х годов мало отличался от традиционного, сохранялись традиционные предметы утвари (пологи, колыбели, женские коробки для хранения предметов рукоделия, берестяные кузова для переноски детей и др.), а также средства передвижения. В первую очередь это подбитые оленьим камусом (шкура с ног оленя) лыжи, сравнительно короткие и широкие, с мешком над креплением, а также долбленные лодки-обласки. Их бытование обусловлено сохранением тех видов деятельности, для которых названные средства передвижения необходимы и могут рассматриваться как средства производства. Лыжи нужны всем охотникам, на обласках ездят проверять сети, охотятся на перелетную птицу. Кроме того, в условиях мест-

ной природной среды лодка вообще единственное транспортное средство в летнее время, и то на очень небольших участках.

Особых проблем с питанием у хантов Пунси-2 в начале 1990-х годов не было. Много добывалось в результате промысловой деятельности (рыба, мясо крупных копытных, некоторых пушных животных). Способы приготовления пищи, запасов оставались традиционными. Много регулярно забрасывалось на вертолетах, в первую очередь мука. Хлеб уже давно вошел в рацион хантов. Но при отсутствии магазинов не просто в самом поселении, но даже в ближайшей округе и при невозможности завозить готовый хлеб на вертолетах его приходится выпекать в домашних условиях. Поэтому и сохранились глинобитные хлебные печи.

К покупной пище, причем самой разнообразной, ханты привыкли достаточно быстро. Помимо уже давно внедрившихся в их рацион чая, сахара, баранок сейчас употребляются и другие продукты: макароны, тушенка и другие консервы.

Во время экспедиции удалось собрать много материалов по верованиям и обрядности, особенно по погребально-поминальной. В это время там жил бывший хранитель *Ягун-ики* — духа-покровителя юганских хантов. Он не смог выполнять функции хранителя в течение того срока, на который его выбрали, и вынужден был передать их другому человеку. По его словам, это было как-то связано со смертью его первой жены (кроме того, он состоял в рядах КПСС).

Подробно собранные по духовной культуре и обрядности сведения, так же, как и материалы по другим составляющим культуры, опубликованы в уже упоминавшейся книге «Салымский край». Здесь хотелось бы вернуться к некоторым связанным с сохранением традиций в сфере духовной культуры и обрядности вопросам, которые уже приходилось затрагивать при анализе религиозной ситуации главным образом у северных манси.

В начале 1990-х годов на Пунси-2 проживали люди молодые или среднего возраста. В основном они родились уже в послевоенное время. Сознательная часть жизни других также приходится на послевоенный период. При этом традиционные верования и обряды сохранялись. Значит, возраст носителей культуры не всегда играет основную роль при сборе информации по традиционной духовной культуре. Эта ситуация — лишнее подтверждение того, что традиция не прерывалась и на протяжении советского периода, во всяком случае у целого ряда групп обских угров, о чем уже приходилось говорить.

Безусловно, отдаленность и труднодоступность Пунси-2 способствовали сохранению традиций в духовной сфере. Но удивляло то, что

информанты о многом говорили достаточно свободно, ведь 1993 г. — это только начало постсоветского периода, у людей еще оставался страх перед возможными репрессиями, с чем приходилось сталкиваться и позднее в других районах. Кроме того, процесс, который называют возрождением традиционной культуры в сфере верований и обрядности, по большому счету процесс выхода их из подполья, еще только начинался, да и то у других групп хантов и манси.

Приведенная здесь краткая характеристика одной из самых малочисленных групп хантов на очень небольшом временном срезе может рассматриваться как часть мозаики, отражающей жизнь обычных людей, создание которой необходимо (и, что важно, стало возможным), для того чтобы понять суть происходивших на протяжении различных периодов нашей истории, прежде всего советского, процессов.

Библиография

Пантафлюк О.В. Хантыйское стойбище Пунси. Традиции и современность // Обские угры: Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (12–16 декабря, 1999 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 1999. С. 293–296.

Салымский край. Екатеринбург, 2000.

Т. А. Шрадер

ОБЗОР ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕРЕГОВОЙ КУЛЬТУРЫ ШВЕДОВ: РЫБАКОВ-КРЕСТЬЯН ФИНЛЯНДИИ

Население, проживающее на побережье стран Скандинавии, на берегах многочисленных озер и рек издавна занималось рыбным промыслом. Практически до конца XIX в. рыболовство сохранило традиционные черты в оснащении, методах и формах, организации рыболовства. В Дании, Швеции и Финляндии бытовал прибрежный лов на открытых лодках или небольших парусных судах. В Норвегии этот вид деятельности развивался с древнейших времен, и суда жителей этой страны были приспособлены для выхода в открытое море.